

10. Счёт суммам, определённым на платёж долгов с 1812 по 1822 год // Российский государственный исторический архив. – Ф. 565. Оп. 14. Д. 155.
11. **Тургенев, Н. И.** Россия и русские: монография / Н. И. Тургенев. – Москва: ОГИ, 2001. – 744 с.
12. **Хартли, Д. М.** «Возражение вызывает не российское законодательство ...». Из истории англо-русских торговых отношений в 1814–1815 гг. / Д. М. Хартли // Исторический архив. – 1995. – № 1. – С. 179–187.

УДК 94(470)

А. В. Баранов

КАЗАЧЬЕ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ НА ЮГЕ РОССИИ В УСЛОВИЯХ НЭПА: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Аннотация. Определены тенденции развития землепользования донских, кубанских и терских казаков в 1921–1927 гг. Выявлены различия советской земельной политики на основных этапах реформ, противоречия между приоритетами НЭПа и коллективизации в земельном вопросе на Юге РСФСР.

Ключевые слова: землепользование, НЭП, казачество, Юг России, тенденции развития.

Цель статьи – выяснить тенденции развития землепользования донских, кубанских и терских казаков в 1921–1927 гг. Своеобразие Юга России ярко проявлялось в структуре землевладения. Если в Европейской России наделное общинное землевладение составляло на 1917 г. 33 % используемых площадей, то в крае – 75 % [1, с. 6]. Средний надел хозяйства к 1917 г. в Европейской России составлял 4,7 дес.; на Дону – 6,2 дес.; на Кубани – 9,3 дес. земли [2, с. 51]. Львиная доля фонда землепользования принадлежала казачьим войскам (80,2 % на Дону, 78 % на Кубани и 60 % на Тереке) [3, с. 143; 4, с. 25; 5, с. 27, 47]. Основная часть земель казачьих войск была в наделном пользовании станичных обществ. Весь земельный фонд края состоял на 71,8 % из наделных земель; на 11,9 % – из частновладельческих; на 16,3 % – из войсковых [6, с. 30].

ВЦИК и СНК РСФСР приняли 18 ноября 1920 г. декрет «О землепользовании и землеустройстве в бывших казачьих областях». Декрет сохранил землепользование казачьих трудовых хозяйств в размерах обслуживания без применения наемного труда. Безземельные и малоземельные жители должны были обеспечиваться из фонда нетрудового пользования по нормам. Запрещалась аренда и купля-продажа наделов [7]. Декрет отложил уравнительный передел всех земель в пользу неимущих и переселенцев. Конфискация нетрудовых частновладельческих земель охватила 18,7 % используемых площадей в крае (3964,3 тыс. дес.). К концу 1922 г. 1975,9 тыс. дес. (49,8 % перераспределенного фонда) отошли в пользование индивидуальных хозяйств,

1303,7 тыс. дес. (32,9 %) составили резерв государственных земельных имуществ, на 389,9 тыс. дес. (9,8 %) организованы совхозы, 294,7 тыс. дес. (7,5 % земель) находились в распоряжении колхозов. Трудовое землепользование индивидуальных хозяйств возросло за 1920–1922 гг. с 78,9 % до 89,6 % фонда [8, с. 47]. Распределение бывших частновладельческих земель весьма неравномерно, что зависело от площади и степени плодородия угодий, от особенностей политики местных органов управления. Так, в Донской области казаки и крестьяне получили 37,6 % площади распределенных участков; в Кубано-Черноморской области – 67,9 %; в Терской губернии – 56,7 % [9, с. 37, 118; 10, с. 28]. В 1920–1922 гг. уничтожено землевладение помещиков, офицерства и церкви, эмигрантов. По мнению А. А. Андреева, 50 % безземельных крестьян обзавелись наделами [11, с. 11]. Но это только первый шаг на пути к бессословному уравнительному землепользованию. К 1923 г. средний надел едока составлял на Дону 3,74 дес. – у казаков и 1,0 – у крестьян; в Кубано-Черноморье – 3,25 и 1,19 дес.; на Тереке – 7,39 и 4,36 дес. [12, с. 11]. Беднейшие семьи не имели инвентаря и скота, вынуждены по-прежнему арендовать орудия труда. Поэтому уравнительный переворот в землепользовании возможен только за счёт трудовых наделов казачества.

Возрождение сельского хозяйства осложнялось запутанным порядком землепользования, неурегулированностью отношений между коренными жителями и переселенцами. Земельный кодекс РСФСР в 1922 г. разрешил свободу форм землепользования, включая аренду. Агрономические усовершенствования, ликвидация дальнотельности и разрозненности участков, выделение хуторов и отрубов принесли большую пользу, повысили культуру хозяйствования. Но новый передел обострил классовую и сословную вражду. В 1923–1924 гг. земельная реформа велась за счёт населения, в основном на землях трудового пользования. Преобладало межселенное устройство (80,2 % размежеванных площадей – за 1922 г. и 81,0 % – за 1923 г.) [13, с. 429], при котором интересы казачества не ущемлялись. Но в 1924 г. внутриселенное устройство достигло уже 31,1 % по краю, в том числе 34 % в казачьих областях [13, с. 429; 14, л. 314, 316]. Многодворная община разделялась на поселки равных размеров (выселки), что дало 65 % объема распределенных земель. К широкополосице и улучшенным севооборотам перешли на 19 % площади. Выход на хутора и отруба составил 5,6 % внутриселенных работ [15, л. 147]. Дробление многодворной общины не только улучшало хозяйственные возможности крестьян, но и облегчало политический контроль государства над ней, готовило почву кооперирования. К 1925 г. в основном решена проблема безземелья крестьян в казачьих областях. На Дону бывшие иногородние увеличили фонд пользования почти в 2,5 раза; коренные крестьяне – в 2 раза [16]. На Кубани удельный вес посевов крестьян возрос за 1920–1925 гг. с 17,5 % до 30,6 % [17, с. 172]. Земельная реформа проводилась в интересах беднейших слоев. Бедняцкие семьи составили 42,3 % землеустроенных и получили 51,1 %

перераспределенных площадей; середняки – соответственно 41,9 % и 40,3 %; зажиточные – 15,8 % и 8,6 % [18, л. 318].

К началу 1925 г. межселенное устройство охватило 45 % площадей трудового пользования, внутриселенное – 10 %–12 % [19, л. 124–125, 130–131]. По данным крайстатбюро, 69,5 % хозяйств и 58,3 % сельского населения не могли оплатить услуги землеустроителей и нуждались в государственной оплате, что до 1925 г. было невозможно [20, л. 132]. Апрельский (1925 г.) Пленум ЦК разрешил сдачу земли в долгосрочную аренду на 12 лет и выделение хозяйств из общины на хутора, облегчил условия найма рабочей силы. Жёстко ограничивалась государственная поддержка колхозов и совхозов, большинство из которых жило в кредит [21, с. 341–348]. Удельный вес хозяйств края, арендовавших землю, вырос за 1925–1927 гг. с 8,4 % до 18,4 %, а имеющих посевы на арендованной земле – с 5,7 % до 12,7 %. Стало больше семей, постоянно нанимавших рабочую силу (прирост с 3,5 % до 3,9 %). Основной силой станиц стали середняцкие хозяйства, составившие 70 % арендаторов земли и работодателей [22, с. 622–623, 616–617].

Одним из важнейших факторов разжигания конфликтов стало землеустройство. Основной задачей был уравнительный передел земель за счет казачества в пользу беднейших крестьян. Поощрялся перевод хозяйства «на новые формы землепользования и севооборота, ... способствующие переходу к обобществлению» [23, л. 34]. До 1926 г. преобладало межселенное землеустройство, позволившее ослабить удаленность наделов от станиц, раздробить крупную общину на отруба и выселки, сократить количество разрозненных наделов. Данный этап не ущемлял интересы казаков и коренных крестьян-старожилов. К 1 октября 1927 г. крупные общины края раздроблены на 48,6 % площади, но преобладающей формой землепользования оставалась общинная (97,1 %). 0,9 % земли принадлежали хуторским и отрубным хозяйствам и 2 % – кооперативам [24, л. 6].

Казачья собственность на землю вызывала конфликты. Но способы земельного передела тоже порождали неприятие. Не учитывалось, что источники доходов казаков были законными и трудовыми по критериям советского законодательства. По выборочным обследованиям, в 1927 г. 73 %–75 % казаков считались середняками, 10 %–12 % – батраками и бедняками, 10 %–12 % – зажиточными [25, с. 58–59]. Среди иногородних пропорции иные: соответственно 55 %, 39,9 % и 6,1 % [25, с. 58–59; 26, с. 24–27]. Землеустройство второй половины 1920-х гг. (этап внутриселенного передела) нельзя рассматривать изолированно от подготовки коллективизации. За 1926–1927 гг. внутриселенное землеустройство завершено на 41,6 % площади земель трудового пользования в крае, т. е. на 96,4 % подлежащих переделу участков [22, с. 290]. Средний надел казачьей семьи сократился с 30–49 га (1917 г.) до 13–16 га (1928 г.) и сравнялся с крестьянским наделом [27, с. 71]. Изъятые земли уравнительно переданы 470,5 тыс. семей крестьян и беднейших казаков, в том числе 19 376 семьям, переселившимся в край за 1923–1927 гг. [12, с. 11; 28, с. 3;

29, с. 15–16]. И. В. Устиновский обобщил сведения об итогах землеустройства. В Кубанском округе норма душевого надела за 1917–1927 гг. не изменилась (2,3 дес.), выиграли от реформы 74,5 % сельских жителей, а проиграли многопайные кулацкие хозяйства [30, с. 104–106]. Но в Кубанском округе 58,6 % получивших землю бедняцких семей не имели скота, 74,2 % – инвентаря и вынуждены арендовать их [31, с. 16–17]. С учетом аренды земля становилась объектом нелегальной купли-продажи и залога. В 1927 г. 5 % зажиточных хозяйств края с посевом свыше 16 дес. владели 49,1 % сенокосилок, 56,7 % сеялок, 66,7 % молотилок, от 3 до 4,5 голов рабочего скота на семью [32, л. 33].

Итак, уравнильный передел земли подталкивал власть и иногородних бедняков к конфискации угодий зажиточных хозяйств, а равенство оставалось несбыточной мечтой в рамках НЭПа. Землепользование казаков в 1921–1927 гг. сочетало противоречивые черты: сохранение трудовых земельных наделов и общинного землепользования наряду с принудительным изъятием органами власти «земельных излишков» и началом уравнильного землеустройства. Органы власти усиливали землепользование иногородних индивидуальных хозяйств за счёт зажиточных слоёв казачества. Внеэкономический выход из этих противоречий был найден позже, в ходе коллективизации, когда упраздняется земельная община и проводится ускоренное создание коллективных хозяйств.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Козлов, А. И.** На историческом повороте / А. И. Козлов. – Ростов-на-Дону, 1977.
2. Производственный план по сельскому хозяйству Юго-Востока России на 1923–24 годы // Юго-Восток. – 1924. – № 1–2. – С. 51.
3. Народное хозяйство Ростовской области за 20 лет. – Ростов-на-Дону, 1940.
4. Отчет начальника Кубанской области за 1916 год. – Екатеринодар, 1916.
5. **Гугов, Р. Х.** Совместная борьба народов Терека за Советскую власть / Р. Х. Гугов. – Нальчик, 1975.
6. **Гозулов, А. И.** Экономическая география Северного Кавказа / А. И. Гозулов. – Ростов-на-Дону, 1927.
7. СУ РСФСР. – 1920. – № 91. – Ст. 483.
8. **Арнаутов, В. К.** К восстановлению сельского хозяйства Юго-Востока / В. К. Арнаутков // Юго-Восток. – 1922. – № 2. – С. 47.
9. Экономическое районирование Юго-Востока России. – Ростов-на-Дону, 1923. – Вып. 1.
10. **Чернопицкий, П. Г.** Деревня Северокавказского края в 1920–1929 гг. / П. Г. Чернопицкий. – Ростов-на-Дону, 1987.
11. **Андреев, А. А.** Пути подъема и социалистического строительства сельского хозяйства на Северном Кавказе / А. А. Андреев. – Ростов-на-Дону, 1929.
12. **Одинцов, С. С.** Сельское хозяйство Северо-Кавказского края к десятилетию Октябрьской революции / С. С. Одинцов // Изв. Северо-Кавказ. краевого исполн. ком. – 1927. – № 11. – С. 11.

13. Перспективный план восстановления и развития сельского и лесного хозяйства Северо-Кавказского края. 1925–1929 гг. – Ростов-на-Дону, 1925. – Т. 1. – С. 429.
14. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. Р-1235. Оп. 102. Д. 481.
15. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). – Ф. Р-1390. Оп. 1. Д. 23.
16. Молот. – Ростов-на-Дону, 1925. – 8 янв.
17. **Чёрный, В. Ф.** Политика партии на Кубани в области землеустройства / В. Ф. Чёрный // На аграрном фронте. – 1927. – № 11–12. – С. 172.
18. ГАРФ. – Ф. Р-1235. Оп. 102. Д. 481.
19. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). – Ф. 7. Оп. 1. Д. 93.
20. ГАРО. – Ф. Р-1390. Оп. 5. Д. 482. Л. 9; Д. 639.
21. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988). – 9-е изд., доп. и испр. – Москва, 1984. – Т. 3.
22. Статистический справочник по Северо-Кавказскому краю. – Ростов-на-Дону, 1930.
23. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17. Оп. 31. Д. 169.
24. ЦДНИРО. – Ф. 7. Оп. 1. Д. 456. Л. 6.
25. **Осколков, Е. Н.** Победа колхозного строя в зерновых районах Северного Кавказа / Е. Н. Осколков. – Ростов-на-Дону, 1973.
26. Сельское хозяйство СССР. 1925–1928. – Москва, 1929.
27. **Андреев, А. А.** По пути подъема и социалистической реконструкции сельского хозяйства / А. А. Андреев. – Ростов-на-Дону, 1928.
28. **Богданов, П. А.** Десять лет Советской власти на Северном Кавказе и наши ближайшие задачи / П. А. Богданов // Изв. Северо-Кавказ. краевого исполн. ком. – 1927. – № 11. – С. 3.
29. Сельское хозяйство Северо-Кавказского края и работа земельных органов. – Ростов-на-Дону, 1927. – С. 15–16.
30. **Устиновский, И. В.** Ленинская аграрная программа и ее осуществление на Северном Кавказе (октябрь 1917–1927 гг.) / И. В. Устиновский. – Ростов-на-Дону, 1989.
31. Сельское хозяйство Кубани и пути его развития. – Краснодар, 1928.
32. ЦДНИРО. – Ф. 7. Оп. 1. Д. 409.

УДК 94(47).084

А. А. Воробьев

К ВОПРОСУ О МОНУМЕНТАЛЬНОЙ ПРОПАГАНДЕ БОЛЬШЕВИКОВ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Аннотация. Рассмотрен такой аспект культурной политики большевистской партии, как монументальная пропаганда, когда идеи внутренней политики преподносились населению страны путем сношения возведенных ранее памятников и замены их другими.

Ключевые слова: памятники, монументы, пропаганда, большевистская партия, революционные деятели, прогрессивные общественные деятели.